

А.А. Байков*

МОДЕЛИ ИНТЕГРАЦИОННОЙ ЭКСПАНСИИ В ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЕ И ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

С 1950-х годов региональная интеграция стала одним из ведущих мировых трендов. Начавшись в Западной Европе, она воплотилась практически во всех частях земного шара. Однако ожидания теоретиков, что интеграционные процессы везде будут развиваться однотипно, не оправдались. Наиболее отчетливо интеграция проявляется на пространстве Европейского союза и в Восточной Азии, но модели межгосударственного сближения в этих регионах существенно различаются. Одним из принципиальных различий выступает «парадигма расширения» поля интеграционных взаимодействий, т.е. характер географической экспансии интеграционного импульса. Если в ЕС доминировала тенденция к однонаправленности, то в Восточной Азии — пульсирующая интеграция, выражающаяся в чередовании откатов и наступлений, сжатий и расширений.

Ключевые слова: интеграция, Европейский союз, расширение ЕС, Восточная Азия, АСЕАН, АТЭС, Восточноазиатский саммит.

В работах, посвященных интеграции, широкое распространение получили термины «дифференциация», «разноскоростная интеграция», «многоформатная интеграция». Такое словоупотребление отражает дискретность интеграционных процессов во всех точках мира. Элементы прерывистости в ходе «роста» интеграционного блока могут проявляться в складывании нескольких конкурирующих очагов интеграционной активности на стадии формирования интеграции. Это характерно для многих интеграционных объединений: Европейского экономического сообщества (ЕЭС) и Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ) в Западной Европе; Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), Организации за демократию и экономическое развитие (ГУАМ) и Союзного государства России и Белоруссии в СНГ; Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН; Association of South-East Asia Nations — ASEAN), «АСЕАН + 3» и Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР); планов по созданию общеамериканской и южноамериканской зон свободной торговли в Западном полушарии.

* *Байков Андрей Анатольевич* — к.п.н., доцент факультета политологии МГИМО (У) МИД РФ, заместитель главного редактора журнала «Международные процессы» (e-mail: a.baykov@obraforum.ru).

На более поздних этапах прерывистость способна дать и появление в пределах одной интеграционной зоны нескольких относительно обособленных групп стран. Такие группы могут не совпадать по составу и различаться по целям, а также характеризоваться разной интенсивностью кооперационных и институциональных связей (Шенгенская зона, зона евро, Общая внешняя политика и политика безопасности в Западной Европе, разные сроки создания зоны свободной торговли для АСЕАН в составе 6 старых членов и присоединившихся к ним в 1990-х годах 4 новых участников, различные условия сближения для развитых и развивающихся членов АТЭС).

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы на материале изученного опыта межгосударственного сближения в зарубежной Европе и Восточной Азии попытаться выделить закономерности в парадигме расширения ареала интеграционных взаимодействий в обоих регионах.

1

Интеграционному сближению в Западной Европе исторически были присущи соперничество и сосуществование различных концепций сотрудничества, а также нескольких интеграционных «ядер». В Европейском союзе (ЕС) такое «ядро» первоначально образовали 6 государств (Германия, Италия, Франция и страны Бенилюкс), руководители которых 18 апреля 1951 г. подписали Парижский договор о создании Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), а 25 марта 1957 г. — два Римских договора о формировании ЕЭС и Евратома. Бельгия, Нидерланды и Люксембург еще в январе 1948 г., т.е. за 3 года до подписания первого соглашения о создании ЕОУС, объединились в Таможенный союз, что значительно облегчило осуществление аналогичного шага для «шестерки» ЕЭС, в границах которого Таможенный союз начал функционировать 1 июля 1968 г. (Римский договор о ЕЭС 1957 г. предусматривал решение данной задачи к 1970 г.). *Это было одним из наиболее важных свершений ЕЭС до первой волны расширения. Стадию зоны свободной торговли «ядро» не проходило вовсе.*

К 1960 г. в Западной Европе развернулся параллельный интеграционный процесс с альтернативным первому инициативным «ядром». 3 мая 1960 г. в Стокгольме представителями Австрии, Великобритании, Дании, Норвегии, Португалии, Швейцарии и Швеции была подписана конвенция об образовании ЕАСТ. Члены данного объединения изначально ограничивали горизонт целей минимальным уровнем интегрирования — режимом свободной торговли без каких-либо элементов наднационального регулирования. *ЕАСТ до сих пор официально не расформирована, что может свидетельство-*

вать о формально сохраняющейся альтернативе выбранному маршруту европейской интеграции.

Соперничество двух проектов объединения, ЕЭС и ЕАСТ, было обусловлено различными целями их лидеров. Франция желала обезопасить себя от новой войны с Германией с помощью ограничения суверенитета последней, поэтому ориентировалась на надгосударственный механизм контроля. Великобритания опасалась рецидива большой войны, возможно, не меньше Франции, однако, как и раньше, держалась курса на дистанцирование от конфликтов на континенте, не ослабляя линии на сложившиеся в годы Второй мировой войны «особые отношения» с США [см.: 10].

Идея объединения Западной Европы не вызывала в Лондоне отторжения. Правда, англичане рассматривали этот проект не в федералистском ключе. Выступая в сентябре 1946 г. в Цюрихе, бывший британский премьер-министр У. Черчилль призвал к созданию «Соединенных Штатов Европы» [17, р. 319], а чуть позже, в мае 1947 г., организовал «Движение за объединенную Европу». Наряду с Союзом европейских федералистов, вдохновителем которого был А. Спинелли, делегаты движения составили костяк участников Конгресса Европы в Гааге в мае 1948 г. На нем выявились расхождения в интеграционных проектах по разные стороны Ла-Манша. У. Черчилль и ведомые им «юнионисты» наделяли формируемую Парламентскую ассамблею консультативными функциями (и добились создания слабого по своим полномочиям Совета Европы). Федералисты видели предназначение этого органа в разработке конституции европейского надгосударства [13, р. 13], предрекая ему судьбу «учредительного собрания». Тактически британский проект одержал верх, но запал федералистов оказался достаточно мощным для того, чтобы через 10 лет сделать возможным подписание Римских договоров и пронести идею общей конституции через всю историю западноевропейской интеграции.

Великобритания фактически занимала выжидательную позицию, не отвергая возможности участия в ЕЭС. По-видимому, еще какое-то время у нее сохранялись инерционные расчеты на то, что и в новой геостратегической ситуации модель «балансира европейского равновесия» (согласно моделям XIX в.) будет работоспособной. Только в 1962 г. Лондон официально подал заявку на вступление в ЕЭС.

Пространство для маневрирования в вопросах интеграции у Великобритании было ограничено специфическим экономическим интересом, связанным с сохранением привилегированных условий в торговле со странами Содружества наций. Похожие приоритеты в экономической сфере были и у других членов ЕАСТ: для них большее значение имели торговые отношения с третьими странами (в основном бывшими колониями), а не друг с другом, поэтому

наименее обременительный с точки зрения взаимных обязательств режим свободной торговли казался им «пределом желаний» [2, с. 31]. Такая позиция стран ЕАСТ противоречила принципу *приоритетности внутригрупповых связей перед внегрупповыми*, которого придерживались государства ЕЭС.

Только с годами ведущие участники ЕАСТ один за другим стали присоединяться к интеграционной платформе «шестерки»: Великобритания и Дания — в 1973 г., Португалия — в 1986 г., Австрия и Швеция — в 1995 г., но и тогда «ядро» ЕАСТ — Великобритания, Дания и Швеция — не полностью растворилось в ЕЭС, даже слившись с ним организационно: ни одна из трех стран по состоянию на 2009 г. не входила в зону евро, Лондон не открыл границ для обладателей шенгенских виз, а Копенгаген не принимал полноценного участия в общей внешней и оборонной политике ЕС.

2

Расширение ЕЭС/ЕС проходило в пять этапов. Первая волна (1973) увеличила число участников Евросоюза до 9 за счет Великобритании, Дании и Ирландии. Приращение способствовало консолидации интеграционного процесса: с присоединением Великобритании и Дании соперничество ЕЭС и ЕАСТ было приглушено. Кроме того, вырос экономический потенциал группировки. За исключением Ирландии, в ЕЭС вошли развитые в хозяйственном отношении страны, площадь и население которых (что имело значение в плане определения критерия квалифицированного большинства) были соразмерны их экономическому вкладу. Однако и Ирландии удалось сравнительно быстро подтянуться до показателей стран «ядра», вследствие чего журналисты прозвали ее «любимым учеником Комиссии».

Вторая и третья волны расширения — присоединение Греции (1981), Испании и Португалии (1986) — были обусловлены, скорее, политическими мотивами: необходимостью поддержки демократических тенденций в Греции после падения режима «черных полковников» в 1974 г., в Португалии после свержения А. Салазара в 1968 г. и «революции гвоздик» в 1974 г., в Испании после смерти Ф. Франко и восстановления монархии Хуана Карлоса в 1975 г. Экономически расширения 1980-х годов привели к углублению региональных диспропорций внутри ЕЭС по уровню хозяйственного развития. Несмотря на то что территория сообщества почти удвоилась (с 1524 до 2252 тыс. кв. км), совокупный ВВП ЕЭС вырос всего на 15%.

После четвертой волны расширения (1995) число членов ЕС достигло 15. В объединение вошли Австрия, Швеция и Финляндия,

которые были вынуждены сохранять внешнеполитический нейтралитет в годы «холодной войны». В новом формате группировка характеризовалась наличием инициативного «ядра» (первоначальная «шестерка» и Великобритания) и более инертной, но соразмерной с ним в ресурсном, политико-институциональном и правовом отношении периферией. (Правда, включение в состав ЕС Австрии, Дании и Швеции, подобно расширению 1973 г., укрепило его экономику.) При этом Великобритания в 1990-е и 2000-е годы выступала против ключевых позиций «ядра» по вопросам об инкорпорации Социальной хартии в текст Маастрихтского договора, Шенгенских соглашениях и зоне евро.

В июле 1993 г. был сформулирован набор политических и экономических критериев, которым должны были соответствовать страны Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы для того, чтобы в будущем присоединиться к Евросоюзу. Согласно данным критериям, известным как «Копенгагенские», необходимо было, чтобы новые члены: «...i) располагали стабильными общественно-политическими институтами, создали гарантии верховенства закона, защиты прав человека и меньшинств; ii) являлись функционирующими рыночными экономиками, способными справиться с давлением конкуренции и рыночных сил внутри ЕС хотя бы в среднесрочной перспективе; наконец, iii) имели возможность в среднесрочном периоде приступить к применению правовой системы ЕС, включая положения учредительных договоров ЕС, наращивая усилия по их имплементации» [15, р. 156]. Обнародование Копенгагенских критериев в 1993 г. свидетельствовало о высокой степени зрелости идеал-конструкта «единой Европы», определившей с идеологической, экономической и политической основами объединения с восточным фрагментом европейского пространства. Этот конструкт обладал значительным потенциалом «мягкой мощи», привлекая и не принадлежавшие к нему страны.

Пятая и шестая волны расширения Евросоюза (1 мая 2004 г. в ЕС вступили: Венгрия, Кипр, Латвия, Литва, Мальта, Польша, Словакия, Словения, Чехия, Эстония; 1 января 2007 г. — Болгария и Румыния) означали не только присоединение государств, не сопоставимых по уровню развития (с вступлением стран Центрально-Восточной Европы площадь территории ЕС возросла на треть, а прирост совокупного ВВП составил лишь 5%), но и уменьшение согласия среди членов Евросоюза, особенно по внешнеполитическим вопросам. В 2002—2003 гг. это ярко проявилось в разногласиях по вопросу о поддержке британо-американской интервенции в Ираке.

Общим для всех волн расширения было резкое отставание темпов повышения экономической эффективности пространства интеграции по сравнению с масштабом увеличения территории и на-

селения. Исключение в этом смысле составили вторая и четвертая волны, когда такой разрыв был наименее выраженным. Расширение во всех случаях было мотивировано политическими соображениями и расчетами на долгосрочный экономический выигрыш.

«Рост» ЕЭС/ЕС означал и усложнение парадигмы управления им. Каждая новая волна расширения несла с собой увеличение числа официальных языков, а вместе с ним и разрастание штата переводчиков (таблица). Так, штат письменных переводчиков Европейской комиссии насчитывает в настоящее время свыше 2 тыс. человек, при том что общая численность ее сотрудников находится на уровне 35 тыс. человек. Произошло также увеличение мест в Европейском парламенте и количества членов комиссии.

Расширения ЕС

Показатели	Годы						
	1958	1973	1981	1986	1995	2004	2007
Число стран-членов	6	9	10	12	15	25	27
Официальные языки	4	6	7	9	11	20	23
Число членов Европейской комиссии	9	13	14	17	20	25	27
Число мест в Европейском парламенте	142	198	434	518	626	732	786

Расширения ЕС не сказались на экономической и политической роли стран «ядра» и с годами перестали вызывать острые споры. *Расхождения, как правило, касаются темпов и условий расширения, а не сути установок на него.* В целом в последние 10 лет присоединение новых (как правило, более бедных) стран проходит форсированно, в результате чего «старые» члены ЕС не успевают адаптироваться экономически, политически и психологически к сдвигам, сопряженным с данным процессом. Реакцией на это становятся вспышки своеобразных электоральных протестов жителей того или иного государства против наиболее радикальных планов ускорения интеграции. Примером такого рода служит провал конституционного договора на референдуме во Франции весной 2005 г. Взятый в Брюсселе темп интеграции (вглубь и вширь) показался французской общественности чрезмерным и создающим для граждан «ядра» дополнительное материальное напряжение.

Причины провала европейской конституции на референдуме во Франции были предметом ряда публикаций. Большинство авторов объясняют отказ поддержать основной закон «единой Евро-

пы» внутривосточными причинами (возможностью выразить недоверие президенту Ж. Шираку). Практически во всех странах ЕС вопросы интеграции стали предметом электоральной борьбы. Дополнительную нервозность создавала дискуссия о неравномерности распределения бремени расходов между государствами «старой» и «новой» Европы, а также об усилении миграции на Запад из стран ЦВЕ.

Основные импульсы интеграции по-прежнему генерируются в столицах «ядра». Именно Франция была инициатором проекта конституционного договора в 2003—2005 гг. Она же, поддержанная Германией, приложила усилия к преодолению кризиса, последовавшего за отрицательным голосованием по конституции в Нидерландах в июне 2005 г. Париж предложил переработать текст договора и вынести его на рассмотрение на саммите Европейского совета в 2007 г. Так возник Лиссабонский договор, заменивший собой не вступившую в силу конституцию.

Параллельно с расширением полноправного членства в ЕС, в котором вектор консолидации и уплотнения (характерный для первой и четвертой волн) чередовался с периодами размежевания и разрыхления (отличавших вторую, третью и пятую волны), вокруг Евросоюза формировался внешний контур кооперативных связей. Его составляют прежде всего:

— система преференциальных связей (главным образом в сфере торговли) с бывшими колониями ряда стран «ядра» ЕС в Африке, Карибском и Тихоокеанском бассейнах (четыре Ломейские и Яундская конвенции);

— блок протоинтеграционных связей со странами Средиземноморья;

— отношения в рамках соглашений об ассоциации, предшествующих вступлению в ЕС;

— проект Восточного партнерства и политика восточного (общего) соседства;

— соглашение о партнерстве и сотрудничестве с Россией.

Волны расширения ЕС, помимо всего прочего, вызывали опасения внутри «старой» Европы, что ее роль может быть ограничена, а новые и более бедные страны смогут в рамках действующих в Евросоюзе процедур навязывать свою волю более богатым государствам и даже паразитировать за их счет. Однако опыт расширений 1990-х и особенно 2000-х годов показал, что, несмотря на очевидные дополнительные трудности, с которыми вынужденно сталкивались страны «ядра» в вопросах продолжения интеграции, ЕС в целом обладает достаточным запасом прочности, чтобы компенсировать сложности, связанные с приемом новых членов. Очередным этапом углубления противоречий внутри Евросоюза должен

был стать финансово-экономический кризис 2008—2009 г., до предела обостривший экономические проблемы целого ряда стран, в том числе достаточно давно присоединившихся к группировке (Греции, Португалии, Ирландии). Однако этот кризис, по сути, подтвердил не только главенствующую роль старых членов ЕС (прежде всего Германии, Франции и отчасти Великобритании) в вопросах интеграции, но и оправданность и даже полезность их неформального лидерства для интересов сообщества в целом. В отличие от тенденций развития ЕС в период кризисов середины 1970-х и начала 1980-х годов, разворачивающийся в Европейском союзе бюджетный кризис не только не способствовал дивергенции внутри объединения, но, напротив, символически утвердил его единство.

Таким образом, волны расширения, не повлияв на экономическую и политическую роль стран «ядра» ЕС, с годами перестали вызывать острые споры [14]. (Любопытно отметить в этой связи, что ожидаемое присоединение Хорватии, завершившей переговоры с Евросоюзом в середине 2011 г., практически не стало предметом серьезных дискуссий в общественных и экспертно-академических кругах.) Несмотря на регулярно возникающие «трудности роста», ЕС, очевидно, не собирается отказываться от дальнейших расширений и в будущем.

3

Модель географического расширения западноевропейской интеграции отличалась однонаправленностью. Это был относительно устойчивый тренд на поглощение «ядром» сопредельных зон европейской культурно-исторической периферии. В Восточной Азии образ действий в этой сфере был разнонаправленным, а алгоритм распространения интеграционного ареала имел сбитый ритм.

Сначала, к концу 1960-х годов, возник очаг субрегиональной интеграции — АСЕАН. Сразу после создания в 1967 г. эта организация пережила первый серьезный откат в развитии, длившийся до 1976 г. Он был продиктован страхами, которые наполняли столицы АСЕАН: все были уверены, что в условиях войны США во Вьетнаме американцы обязательно попытаются вмешаться в региональные интеграционные процессы, взяв их под свой контроль и подчинив задачам борьбы с коммунизмом. Однако в АСЕАН не хотели этого и активно противостояли сближению с США на антикоммунистической основе, хотя и не любили коммунизм.

При этом страны АСЕАН никогда не разделяли в полной мере американских оценок обстановки во Вьетнаме. Они были убеждены, что, объединившись, это государство рано или поздно переориентируется на ценности национального развития и вернется к своим

«азиатским истокам», поэтому внимание к ситуации в Восточном Индокитае, ставшем в годы bipolarности отражением глобальных политико-идеологических противоречий и ареной вооруженной борьбы с вовлечением сверхдержав и крупных игроков региона (КНР), никогда не ослабевало. В контексте американской интервенции во Вьетнаме АСЕАН опасалась, что включение в круг охватываемых вопросов сложных проблем стран Восточного Индокитая нанесет урон неокрепшей ассоциации. Надо отметить, что представители Южного Вьетнама (до 1971 г.), Лаоса и Камбоджи при Лон Ноле (1970—1975) в качестве наблюдателей участвовали в работе министерских конференций АСЕАН и не раз обращались с просьбами о членстве. Однако организация не была заинтересована в том, чтобы принимать раздираемые гражданскими войнами Камбоджу и Южный Вьетнам, хотя и стремилась «держать руку на пульсе» индокитайской проблемы [5], поэтому попытки влиять на ситуацию в данной части региона не прекращались.

Первое активное вмешательство АСЕАН в обстановку в Восточном Индокитае связано с событиями весны 1970 г., когда в результате военного переворота власть в Камбодже перешла в руки военного правительства генерала Лон Нола и в страну вошли американские войска. Министр иностранных дел Индонезии А. Малик после консультаций с коллегами по АСЕАН инициировал международную конференцию по Камбодже с участием представителей Южной Кореи, Японии, Южного Вьетнама, Австралии, Новой Зеландии и самой Камбоджи для «обеспечения защиты, независимости, целостности и нейтралитета» страны (май 1970 г.). Решения конференции носили декларативный характер, однако сам факт ее проведения говорил о заинтересованности АСЕАН в судьбе Индокитая [3, с. 34].

Спустя год после завершения войны во Вьетнаме и его объединения в 1975 г. страны ассоциации, собравшиеся на саммит в Индонезии, подтвердили, что никогда не закрывали для Вьетнама путь в АСЕАН и сожалели о том, что Юго-Восточная Азия оказалась разделенной на страны капиталистического и социалистического выбора [12].

Вскоре АСЕАН пережила первый относительно формальный цикл расширения. Он состоялся в 1984 г. и был связан с обретением независимости Брунеем, который пожелал немедленно вступить в ассоциацию.

Со второй половины 1980-х годов члены организации стали обсуждать проекты распространения интеграционных тенденций на Индокитай, северную часть Восточной Азии и даже на неазиатские страны АТР, прежде всего Австралию и Новую Зеландию. По последнему вопросу сложились две группы инициатив.

Первая строилась вокруг предложенной Малайзией, участницей АСЕАН, «Восточноазиатской экономической группировки», впоследствии превратившейся в проект менее формализованного «Восточноазиатского экономического кокуса»¹, который предполагал создание интеграционной группы азиатских стран и территорий без участия «белых государств» — США, Австралии и Новой Зеландии.

Вторая группа инициатив сложилась вне АСЕАН и предусматривала формирование более обширной зоны свободной торговли в масштабах всего Азиатско-Тихоокеанского региона — АТЭС. В такой зоне на роль неформального лидера автоматически претендовали США. Подобное понимание интеграционных перспектив настойчиво поддерживала Австралия. Япония непрерывно лавировала: ей было гарантировано место и в проекте «кокуса», но, согласившись на него, она могла невольно противопоставить себя Соединенным Штатам, с которыми была к тому времени связана тысячами неразрывных экономических уз, скрепленных военно-политическим союзом.

Страны АСЕАН, со своей стороны, не могли позволить себе экономического разрыва с Японией и США, поскольку сильно зависели от них технологически и отчасти финансово. Конфликт с крупнейшими партнерами большинству участников ассоциации был невыгоден. Желая его избежать и одновременно воспользоваться преимуществами от дальнейшего торгово-экономического и технологического сотрудничества, малые и средние страны региона предпочли дать согласие на вхождение в 1989 г. в проект АТЭС, основанный на формуле «открытого регионализма». Компромисс был взаимным. США официально согласились развивать интеграцию в АТР на чисто экономической основе, как того требовали страны АСЕАН. В ответ те нехотя пошли на создание АТЭС в том виде, как это предлагал Вашингтон. Это был следующий цикл расширения восточноазиатской интеграции, также оказавшийся впоследствии формальным.

Однако сомнения АСЕАН в жизнеспособности АТЭС не были развеяны, поэтому и после 1989 г. укрепление «узкого» (базового) интеграционного «ядра» осталось приоритетом внешней политики малых и средних стран региона.

Окончание «холодной войны», распад СССР, исчезновение «двудержавного регулирования», либерализация внутривьетнамской и внутрिलाосской ситуации в направлении глубоких рыночных ре-

¹ Кокус (англ. — saucus) — тип межгосударственной организации, не предусматривающей жестких взаимных обязательств и функционирующей в формате диалога и многосторонних консультаций по интересующей участников проблематике.

форм и постепенная нормализация обстановки в Камбожде *оживили никогда не исчезавшие надежды на возможность вовлечения в орбиту преференциальных отношений стран Восточного Индокитая. Открылось пространство для экспансии интеграционного «ядра».* На глобальном уровне этому способствовала активизация процессов интеграции в других частях мира (Западно-Центральной Европе, Северной и Южной Америке) [18], на региональном — заметно выросшее экономическое могущество членов АСЕАН, превратившихся в новые индустриальные страны «второго эшелона».

Урегулирование камбоджийской проблемы имело поэтапный и многоаспектный характер. 23 октября 1991 г. на международной конференции по Камбожде в Париже были подписаны Соглашение о всеобъемлющем политическом урегулировании камбоджийского конфликта, Соглашение, касающееся суверенитета, независимости, территориальной целостности и неприкосновенности, нейтралитета и национального единства, а также Декларация о восстановлении и реконструкции. В июне 1992 г. в Токио была проведена международная конференция по восстановлению Камбоджи. В мае 1993 г. под наблюдением и контролем ООН в стране прошли многопартийные выборы в Конституционное собрание.

Началась осторожная работа по привлечению Вьетнама, Лаоса, Камбоджи и Мьянмы в ряды АСЕАН. Важно при этом указать на особенности парадигмы роста ассоциации, сближающие ее с моделью Евросоюза в том, что касается подхода к потенциальному членству. Лидеры АСЕАН всегда осознавали, что без восточного субрегионального фрагмента интеграция их стран, в том числе экономическая, будет неполной. Даже в разгар «холодной войны» участники ассоциации были максимально деидеологизированы, поскольку допускали, что страны Восточного Индокитая со временем могут оказаться частью интеграционной системы АСЕАН. Сходным образом вел себя Евросоюз по отношению к Испании, Португалии, Греции, когда у власти там находились диктаторские режимы, и к Восточной Германии в годы коммунизма².

В 1995 г. членом ассоциации стал объединившийся в 1975 г. Вьетнам, в 1997 г. — Мьянма и Лаос. В 1999 г. с включением Камбоджи АСЕАН вобрала в себя все государства Юго-Восточной Азии, оправдав тем самым свое название. Таким образом, период консолидации интеграционного «ядра» в регионе занял в общей сложности более 30 лет [19, р. 3—8].

Характерно, что «уплотнение» фундамента АСЕАН проходило одновременно с процессом «разрыхления» зоны «открытого регио-

² Как указывает В. Барановский, Восточная Германия (ГДР) была изначально включена в систему торговых преференций, предусмотренных Римским договором 1957 г., и, более того, пользовалась ими [1].

нализма» в АТР, поскольку создание АТЭС предопределило последовавшее замедление интеграционных тенденций в регионе в целом. Это был своего рода спазм «забегания вперед», похожий и вместе с тем очень непохожий на те, которые переживает ЕС в ходе волн расширения последних полутора десятилетий.

«Цикл сжатия» не заставил себя ждать: он начался в 1998 г. Страны АСЕАН разуверились в эффективности объединения в рамках АТЭС (это был аналог того явления, которое в европейской истории принято называть «кризисом интеграции»). Сохранявшийся исходный скептицизм АСЕАН в отношении сближения с неазиатскими государствами региона резко возрос после финансового кризиса 1997—1998 гг. Западные партнеры по АТЭС, с точки зрения стран АСЕАН, вели себя в то время как минимум не солидарно. В умах восточноазиатских лидеров укоренилась идея о неслучайности и направляемости подобных экономических потрясений, обращенных против конкурентов.

В итоге азиатский финансовый кризис имел для экономики региона менее разрушительные последствия, чем ожидалось, однако психологически и политически он оказался рубежным с точки зрения путей развития интеграционного процесса. В странах АСЕАН возродились антизападные, антиамериканские предубеждения, которые объективно способствовали возвращению интереса к интеграции на сугубо азиатской основе. *Идея сотрудничества в рамках АТЭС не была отвергнута открыто и полностью, но она явно была отодвинута на периферию региональной политики.*

Вновь возник рефлекс ограничения «интеграционного пула», в который помимо АСЕАН вошли только Китай, Южная Корея и Япония. Получившийся формат взаимодействия был назван «АСЕАН + 3» (АПТ), появление которого в 1997 г. было изначально мотивировано необходимостью валютно-финансовой координации. Фактически произошло расширение АСЕАН без формализации членства. К образованию этого механизма привела взаимная заинтересованность стран Юго-Восточной Азии, стремившихся оживить экономическую интеграцию между собой, и Северо-Восточной Азии, желавших установить друг с другом более тесные кооперационные связи, но, подобно Франции и Германии в начале 1950-х годов, не рискнувших вступить в прямые переговоры, предпочтя им многосторонний формат АСЕАН.

Кроме того, важно отметить возросший авторитет ассоциации в глазах сильных внерегиональных игроков. Так, США, которые на протяжении десятилетий игнорировали институциональные возможности АСЕАН с точки зрения координации и даже регулирования многосторонних процессов в Восточной Азии, в 2007 г.

наконец признали эту организацию в качестве значимого субъекта восточноазиатского политического поля. Об этом убедительно свидетельствует учреждение Вашингтоном поста своего представителя при АСЕАН.

Согласно документам и накопленной информации об опыте интеграционного взаимодействия в регионе, реальное сближение происходит в рамках АСЕАН и АПТ, однако к числу интеграционных в литературе относят и проект Восточноазиатского сообщества (ВАС) [6]. Важно иметь в виду, что страны АСЕАН и три ее привилегированных партнера не разделяют этой точки зрения.

«Восточноазиатский процесс», инициированный в декабре 2005 г. на саммите АПТ в Куала-Лумпуре и представляющий собой серию регулярных встреч на высшем уровне представителей 13 стран АПТ, а также Австралии, Индии и Новой Зеландии, был призван в какой-то мере составить конкуренцию АТЭС. Этот форум был еще шире, чем ВАС. Его внешняя привлекательность обусловлена его грандиозностью, однако эта же черта породила и его слабости. Прагматически ориентированные страны АСЕАН продолжали испытывать большой скепсис по отношению к АТЭС, но не к организации в целом, а к ее интеграционному потенциалу, при этом сам форум неизменно декларировал свою интеграционную природу. Желая нейтрализовать такого рода конкуренцию, государства АСЕАН высказались за организацию ВАС, менее грандиозного, чем АТЭС, хотя и недостаточно реалистичного с точки зрения перспектив сближения входящих в него экономик.

Страны — учредители АСЕАН не демонстративно, но твердо встали на позиции исключительно избирательного допуска неазиатских государств к интеграционным процессам в регионе. В число таких «избранных» были включены те страны, которые плотно встроились за минувшие десятилетия в экономические связи с близлежащими государствами Азии, — Австралия и Новая Зеландия. Они и были представлены на первом саммите ВАС, известном также как формат «АСЕАН + 6» [7, р. 232—235].

Однако эти две страны и Индия, а также США и Россия, приглашенные на шестой саммит в октябре 2011 г., не являются участниками ни одного из главных проектов АСЕАН, и планов привлечь их к таковым у лидеров ассоциации пока нет. В декларациях всех восточноазиатских саммитов 2005—2010 гг. было заявлено, что основой строительства сообщества станут только участники формата АПТ. Следовательно, речь может идти лишь о потенциале интеграционной активности в рамках ВАС, которое нужно рассматривать лишь в качестве резерва географического расширения АСЕАН в будущем.

Таким образом, сегодня интеграционное начало в регионе наиболее ярко представлено многосторонним вариантом — АСЕАН и производной от него АПТ, а также на двустороннем уровне — американо-японским комплексом взаимодействий. АТЭС теоретически представляет собой альтернативный интеграционный процесс, однако фактически в этом качестве не функционирует, а является в лучшем случае многосторонней консультативной площадкой для развития регионального общения и сотрудничества, но на традиционной неинтеграционной основе.

* * *

Проведенный анализ западноевропейской и восточноазиатской интеграционных моделей позволяет сделать несколько выводов.

Насколько можно судить, и в зарождении интеграционного проекта в Западной Европе в конце 1940-х — начале 1950-х годов, и в его территориальном расширении было много сугубо ситуативного, случайного, незапланированного. С самого начала в ЕС существовало инициативное «ядро», которое генерировало идеи, политическую энергию и материальные ресурсы, необходимые для поддержания достигнутого уровня интеграционного сотрудничества и его дальнейшего углубления. От этого же «ядра» исходили импульсы экспансии, расширения, свойственные любой системе, в том числе интеграционной. В то же время «ядро», по-видимому, не могло работать в режиме равномерного воспроизводства своих импульсов. Когда ресурсы ограничены, а политическая воля к углублению интеграции ослабевает, интеграционные импульсы затухают. И наоборот: если политико-экономическая конъюнктура благоприятствует развитию, то эти импульсы начинают генерироваться вновь.

В этой связи «парадигма роста» западноевропейской интеграции не имеет характера линейного развития, а отличается чередованием «приливов» и «отливов», «рывков» и «отступлений», периодов забегания вперед и отката. Инициативное «ядро» (а вместе с ним и вся интеграционная система в зарубежной Европе) функционирует в неравномерно пульсирующем ритме, на который оказывают влияние как внутривнутриполитические и внутривнутрирегиональные факторы, так и состояние международной среды. Применительно к ЕС это означает:

1) возможность существования в западноевропейском интеграционном пространстве нескольких конкурирующих инициативных «ядер»;

2) появление внутри группы интегрирующихся стран разных полюсов политических и экономических устремлений;

3) допустимость существования внешних сфер преференциальных связей между странами, не входящими в Европейский союз, и отдельными государствами интеграционного «ядра»;

4) возможность разной степени участия тех или иных стран в реализации интеграционных целей (вплоть до полного отказа) в зависимости от меры их готовности;

5) способность «ядра» вовлекать внешних партнеров в поле интеграционных взаимодействий с ЕС без предоставления им полноправного членства.

В Восточной Азии региональная интеграция географически наиболее ярко проявляется «концентрическими кругами» особых отношений: по узкому — в рамках АСЕАН, по более широкому — по линии сотрудничества АСЕАН с Японией, Китаем и Южной Кореей. По внешнему контуру выстраиваются отношения с другими региональными партнерами, в том числе неазиатскими.

С точки зрения субъектов интеграционных взаимодействий в Восточной Азии сложилась пестрая картина региональной интеграции, которую условно можно отнести к «очагово-сетевому» типу.

В этой части мира действуют три в разной степени консолидированных очага интеграции.

Первый представлен АСЕАН, объединяющей все страны Юго-Восточной Азии за исключением Восточного Тимора³, и производным от нее механизмом сотрудничества «АСЕАН + 3» с участием Китая, Южной Кореи и Японии. Как и в зарубежной Европе, в Восточной Азии «ядро» интеграции выкристаллизовалось там, где в наибольшей мере действовал фактор географической близости [5].

АПТ появился во время азиатского финансового кризиса 1997—1998 гг. как инструмент коллективной защиты экономик региона от валютно-финансовых катаклизмов в будущем. Важно, что данный формат сотрудничества не является организацией в полном смысле слова. Эта структура функционирует при АСЕАН, выступая ее специализированным органом финансовой координации. «Внешние» участники АПТ — Китай, Южная Корея и Япония — постепенно движутся к ассоциированному членству в АСЕАН.

Внутри образуемого этими форумами интеграционного комплекса процессы сближения протекают неравномерно, однако АСЕАН совместно с АПТ представляет собой основное многостороннее организационное и экономическое «ядро» восточноазиатской интеграции. Наблюдаемая асинхронность в темпах и интенсивности сближения у составляющих этого «ядра» до некоторой степени напоминает ту, которая характерна для ЕС, где есть более интегрированные «ста-

³ Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Филиппины.

рые» и менее интегрированные «новые» члены. Более того, как будет показано далее, по инициативе АСЕАН и фактически под ее эгидой происходит интеграционное строительство во всем Восточноазиатском регионе.

Второй очаг интеграции представлен японо-американским интеграционным комплексом, «закамуфлированным» под военно-политический союз. За истекшие полвека он превратился в систему интенсивных военно-политических, инвестиционных и интеллектуальных взаимодействий, вполне отвечающих строгим критериям интеграции. Как и в случае с Францией и Германией, данный союз вырос из опыта вооруженной конфронтации Второй мировой войны.

В конце 1980-х годов оба интеграционных комплекса оказались внутри обрамляющей их трансрегиональной группировки АТЭС, включающей 21 страну и территорию, омываемую Тихим океаном, как в Восточной Азии, так и в Северной и Южной Америке и Океании и также заявившей о своей интеграционной природе. Это фактически *третий* очаг интеграции, внутри которого оказались два более консолидированных интеграционных «ядра». Отношения в рамках слабо консолидированного АТЭС начинают напоминать, скорее, связи сетевого типа, назначение которых состоит в смягчении конкуренции, наметившейся между двумя другими центрами регионального сближения.

АТЭС ставит выгодную в первую очередь неазиатским странам (США и Австралии) и в меньшей степени Японии задачу удержать интеграцию в АСЕАН в более открытом режиме, обеспечив в ней присутствие «белых стран». Данный формат очерчивает максимально широкий географический предел интеграционных процессов в Восточной Азии [4]. В Богорской декларации, принятой на втором саммите АТЭС в Индонезии в ноябре 1994 г., была выдвинута цель создания зоны свободной торговли сначала для развитых государств-членов в 2010 г., а затем и для развивающихся — к 2020 г. [9]. Первая часть этой цели не выполнена. Нет оснований думать, что будет реализована и вторая. Собственно интеграционная составляющая в деятельности АТЭС представлена слабо, и форум функционирует преимущественно как механизм консультаций стран Тихоокеанского бассейна, обсуждающих наиболее важные проблемы экономического развития, а в 2000-х годах — и безопасности.

С точки зрения самоидентификации участников интеграция в регионе представлена двумя типами взаимодействия. Группировки *первого типа* открыто провозглашают и решают задачи межгосударственного сближения. Это прежде всего признаваемое политиками и учеными «ядро» — АСЕАН, наиболее старое и влиятельное с точки зрения способности консолидации региона, которое фактически состоит из 5 первоначальных членов — Индонезии, Ма-

лайзии, Филиппин, Сингапура и Таиланда, а также примкнувшего к ним в 1984 г. Брунея [подробнее см.: 16; 8]. (После нескольких волн расширения в 1990-х годах в АСЕАН наметился разрыв в экономическом развитии и внешнеполитической стратегии между старыми и новыми участниками. Невольно напрашивается аналогия со «старой» и «новой» Европой в практике ЕС.) Именно в этих рамках в 2003 г. в регионе начала функционировать первая полноценная зона свободной торговли. К инициативному «ядру» в лице АСЕАН примыкает механизм АПТ. Интеграционные задачи провозглашает и АТЭС.

Второй тип взаимодействия характерен для японо-американского комплекса, который формально не ставит перед собой задачи интеграционного характера. Он выглядит как обычный военно-политический союз, но на деле является наиболее тесно интегрированным в экономическом смысле образованием в регионе. Этот комплекс индуцировал и продолжает индуцировать мощные проинтеграционные импульсы, влияющие на динамику интеграции в АСЕАН и АПТ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Барановский В.Г.* Европейское сообщество в системе международных отношений. М.: Наука, 1986.
2. *Лицарева Е.Ю.* Экономическая интеграция на европейском континенте и в Азиатско-Тихоокеанском регионе во второй половине XX века. Томск, 2004.
3. *Малетин Н.П.* АСЕАН: четыре десятилетия развития. М.: МГИМО, 2007.
4. *Михеев В.В.* Глобализация и азиатский регионализм. Вызовы для России. М., 2001.
5. *Самойленко В.В.* АСЕАН: политика и экономика. М., 1982.
6. *Федотов В.П.* Становление и развитие Восточноазиатского сообщества как интеграционного объединения в АТР // Аналитические обзоры РИСИ. № 1 (10). М., 2007.
7. *Aggarwal V.K. et al.* Northeast Asia: Ripe for Integration. Berlin: Springer, 2009.
8. *Betwixt and Between: Southeast Asian Strategic Relations with the US and China.* IDSS Monograph. No. 7. Singapore: Institute for Defense and Strategic Studies, 2005.
9. *The Bogor Declaration.* Bogor, Indonesia. November 15, 1994 [Electronic resource] // Asia-Pacific Economic Cooperation [Official website]. URL: http://www.apec.org/apec/leaders__declarations/1994.html (accessed: 18.11.2011).
10. *Bullock A.* The Life and Times of Ernest Bevin. Vol. 3. Ernest Bevin: Foreign Secretary, 1948—1951. L.: Heinemann, 1983.
11. *Coelata M.D.* The European Union: Background and Issues. N.Y.: Nova Science Publishers, 2010.

12. Declaration of ASEAN Concord. Bali, February 24, 1976 [Electronic resource] // The Association of Southeast Asian Nations [Official website]. URL: <http://www.aseansec.org/1216.htm> (accessed: 19.11.2011).
13. *Dinan D.* Ever Closer Union. L.: Palgrave, 1999.
14. *El-Agraa A., Ardy B.* The European Union. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
15. European Commission. Composite Paper. Brussels, 1998.
16. *Goh E.* Meeting the China Challenge: The US in Southeast Asian Regional Security Strategies. Policy Studies Monograph. No. 16. Washington, D.C.: East-West Center, 2005.
17. *Libgens W.* History of European Integration: 2 Vols. Vol. 1. Oxford: Oxford University Press, 1986.
18. *Nesadurai H.* Globalization, Domestic Politics, and Regionalism: The ASEAN Free Trade Area. L.: Routledge, 2003.
19. *Singh D.* Southeast Asian Affairs-2009. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 2009.